

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПОИСКИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Статья посвящена анализу тенденций изменения содержания некоторых наиболее важных идей относительно стратегии развития в структуре сознания современного общества, выявлению причин этих изменений, а также определению некоторых принципов начинающейся формироваться новой парадигмы стратегии развития общества.

Ключевые слова: общество, общественное сознание, экономическое и политическое сознание, ценности, парадигма развития современного общества.

STRATEGY OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT: SEARCH FOR NEW PARADIGM

This article analyzes the trends in changing the most important ideas on the development strategy in the structure of modern society consciousness, identification of the causes of such changes, as well as definition of certain principles of a new paradigm of society development strategy at its beginning stage.

Keywords: society, social consciousness, economic and political consciousness, values, paradigm of modern society developing.

В связи с продолжающимся в мире финансово-экономическим кризисом обнаруживается отсутствие конструктивных идей представителей господствовавших, прежде всего в экономической науке, взглядов по поводу того, как из него выходить. Представляется, что данный факт свидетельствует о том, что прочно сложившаяся к 80–90-м годам прошлого века система основополагающих принципов и идей, прежде всего экономических и политических, в соответствии с которыми развивалось общество, дала, по крайней мере, трещину. Следовательно, глубже понять причины серьезных проблем, с которыми столкнулось сегодня общество, а также определить пути и способы их решения помогает понять анализ тенденций изменения содержания некоторых наиболее важных идей в структуре сознания современного общества. Конечно же, это сознание, с одной стороны, есть всего лишь отражение, т.е. следствие существующих условий жизни общества, однако, с другой стороны, оно – важнейший фактор или углубления возникших проблем, или их рационального разреше-

ния. Поэтому исследование тех процессов, которые произошли и происходят в этом феномене со стороны его содержания, представляет и научно-теоретический, и общественно-практический интерес.

Общественное сознание представляет собой совокупность идей, теорий, взглядов, чувств, эмоций, отражающих в главном и основном содержание деятельности больших и малых социальных групп. Иначе говоря, это те сходные, а часто и тождественные идеи, чувства, взгляды, оценки и т.п., возникающие и существующие у различных людей и групп в процессе их жизни и отражающие реальные условия, в которых протекает их деятельность, т.е. их общественное бытие.

В общественном сознании выделяют разные уровни. С одной стороны, по степени глубины отражения социальных процессов и выявления внешних или внутренних, существенных причин и законов общества, в нем можно выделить обыденно-житейский и научно-теоретический уровни. С другой стороны, по содержанию отражения социальных процессов (на уровне эмоций и чувств или на уровне идей и теорий) принято выделять общественно-психологический уровень и теоретико-идеологический уровень. На

¹ Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии НОУ ВПО «Российский новый университет».

каждом уровне сознания общественное бытие отражается с разной степенью глубины – либо поверхностно, т.е. на уровне эмоций и чувств, либо на уровне законов науки и теоретико-идеологических конструкций.

Поскольку общество предстает как совокупность связей и отношений людей, возникающих в различных видах деятельности, то принято выделять различные формы (или секторы) общественного сознания. В их числе: экономическое, политическое, правовое, нравственное, эстетическое, религиозное, философское, научное, экологическое и т.д. Разумеется, такое структурирование условно, и так как все формы общественного сознания находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, можно вести речь даже и об их взаимопроникновении. Кроме того, поскольку общество постоянно изменяется и особенно динамично изменения происходят в последнее время, то изменяются и содержание, и объем форм общественного сознания, отражающих эти изменения. Объем и содержание некоторых форм увеличивается, других – уменьшается. Такого рода изменения более или менее точно отражают процессы, происходящие в общественной практике и позволяют обнаруживать те проблемы, которые в ней возникли. Основное внимание, как представляется, необходимо уделить процессам на теоретическом уровне сознания, так как именно на уровне этого «этажа» открываются или утонченно скрываются глубинные, существенные причины социальных проблем.

Рассмотрим процессы, связанные с изменением содержания экономического сознания. Экономическое сознание понимается как форма группового и общественного сознания, отражающая содержание материально-производственной деятельности в форме обыденных или теоретических знаний о принципах, целях, способах и технологиях организации производства. Экономическое сознание включает также и чувства, эмоции, возникающие по отношению и к этому знанию, и к реальным процессам производства, распределения, обмена и потребления.

К концу XX века благодаря трудам М. Фридмана, Ф. Хайека, Ф. Фукуямы и др. ученых в экономической теории и, соответственно, в экономическом сознании прочно утвердилось представление о том, что рыночное капиталистическое хозяйство несет блага почти всем слоям населения. При этом в нем действуют внутренние силы, которые оказывают сглаживающий эффект на несправедливое распределение доходов и богатства. Это представление опиралось на несомненные, как считали его авторы, экономиче-

ские успехи развитых западных стран – США, Японии, ФРГ, Франции и др. Утверждалось, что это общество есть закономерный результат применения либерально-демократических принципов. Указанные авторы не отрицали, что и в этом обществе существуют проблемы, однако они не могут серьезно осложнить его существование.

Само рыночно-капиталистическое хозяйство стало рассматриваться венцом общественного развития. Как писал Ф. Фукуяма: «...несомненно, что современные демократии сталкиваются с массой проблем: от наркотиков, бездомности и преступности до экологических катастроф и бездумного консюмеризма. Однако эти проблемы не являются очевидно неразрешимыми на основе либеральных принципов и не настолько серьезны, что обязательно приведут к краху общества как целого ...» [1].

Приведенная точка зрения, опирающаяся на очевидно высокий уровень жизни в США, Англии, ФРГ и некоторых других странах, стала господствующей в экономическом, да и в политическом сознании. «Главный догмат современной веры, занимающий центральное положение в господствующей экономической теории и усиленно подкрепляемый рекламой и искусством коммерции, состоит в том, что счастье есть функция поступления потребительских товаров и услуг» – констатирует Д.К. Гэлбрейт [2, с. 5].

Способствовал этому целый ряд причин, которые были выявлены и выявляются только в последние годы. Одна из них состоит в том, что, как справедливо отметил И. Валлерстайн, «повсеместный взлет мировых фондовых рынков основывался не на доходах от производства, а на спекулятивных финансовых махинациях. Распределение доходов во всем мире и по странам приобрело перекошенные формы – массовый рост доходов 10% самых богатых, особенно верхнего – 1%, и падение реальных доходов большинства остального населения мира» [3, с. 91]. Именно такую финансово-экономическую политику самым активным образом поддерживало руководство главной экономики мира. Именно правительство США проталкивало одновременно все более непропорциональный рост доходов (очень крупные налоговые изъятия для богатых) и милитаристскую, одностороннюю внешнюю политику в силовом стиле (вторжение в Ирак и другие страны). Все это оно финансировало немислимым ростом заимствований (долгов) путем продажи облигаций казначейства США тем, кто контролировал мировые источники энергии и дешевое производство товаров [3, с. 92]. Перечисленные меры позволяли поддерживать и вы-

сокий уровень внутреннего потребления и, соответственно, демонстрировать преимущество такого рода организации хозяйственной жизни и теории, на которой она основывалась.

В дополнение к указанной причине следует назвать еще одну, хотя и достаточно тесно связанную с первой. Или, говоря точнее, детерминированную, предопределенную ей. По наблюдениям Г. Дерлугьяна, «за последние 20 лет вузы не наняли ни одного экономиста, который не был бы монетаристом: исповедовать другие взгляды было неприлично» [4, с. 6]. Например, когда М. Тэтчер начала проводить свои радикально-либеральные реформы, 364 экономиста Британии подписали открытое письмо, в котором заявили, что монетаризм – это совершенная утопия. Два-три года спустя они, следуя за меняющейся конъюнктурой, вынуждены были перейти на противоположные позиции [4, с. 6].

В силу вышеназванных причин в экономической теории и в соответствующей форме общественного сознания стало преобладающим представление о том, что свободная конкуренция на рынке естественным образом ограничивает эгоизм торговцев, каждый из которых стремится продать как можно дороже и купить как можно дешевле. В результате конкуренция обязательно приводит к устойчивой динамике цен и способствует общему благу и процветанию всего общества. Другие мнения и даже достаточно глубоко обоснованные теории, отличающиеся от приведенного суждения, просто игнорировались, так как не вписывались в сложившуюся парадигму.

Не было учтено мнение даже такого признанного авторитета, как Н. Винер, который уже в 60–80-е годы прошлого века предупреждал о внутренне присущих рынку противоречиях и вытекающих из них фундаментальных опасностях для общества. Он писал: «Рынок – игра... Она строго подчинена общей теории игр... Эта теория основана на допущении, что на любой стадии игры каждый игрок, исходя из доступной ему информации, играет согласно вполне разумной стратегии, которая в конце концов должна обеспечить ему наибольшее математическое ожидание выигрыша... Даже при двух игроках теория сложна, хотя она приводит часто к выбору определенного направления игры. Но при трех игроках во многих случаях, а при многих игроках в подавляющем большинстве случаев результат игры характеризуется крайней неопределенностью и неустойчивостью. Побуждаемые своей собственной алчностью, отдельные игроки образуют коалиции; но эти коалиции обычно не устанавливаются каким-нибудь одним опре-

деленным образом и обычно кончаются столпотворением измен, ренегатства и обманов. Это точная картина высшей деловой жизни и тесно связанной с ней политической, дипломатической и военной жизни. В конце концов даже самого блестящего и беспринципного маклера ждет разорение» [5, с. 241]. Предупреждение не было ни услышано, ни тем более учтено, несмотря на то что кризисы регулярно происходили в различных странах мира.

Однако ни кризис 1975 г., поразивший развитые экономики Запада и косвенно затронувший экономики СССР и стран социалистического содружества, ни финансовый кризис 1997–1998 гг., который начался в Южной Корее и ряде стран Восточной Азии, не повлияли на господствующую в экономическом сознании монетарную теорию максимальной свободы рынка. Она оказалась удивительно устойчивой, несмотря на то что общественно-экономическая практика часто давала противоречащие этой теории примеры.

Дело в том, что для оправдания сложившегося порядка и скрывания его сущностных характеристик использовалась система изощренных приемов воздействия на сознание как отдельных индивидов и социальных групп, так и общества в целом. Один из главных приемов – искусственное раздувание и широкое распространение идей так называемого постмодернизма. Как отмечает О.Э. Петруня, в рамках доминирующего постмодернистского проекта традиционные философские вопросы опошляются, дискредитируется серьезная научная работа, требующая не только специальных знаний, но и определенной внутренней готовности, личной ответственности исследователя за свою деятельность. Критерием интеллектуальной культуры объявляется постмодернистская начитанность. Такая гуманитарная мысль зачастую под знаменем терпимости и человеколюбия обосновывает эрозию бытия, оправдывает различные формы расчеловечивания реальности, деконструирования (разборки) естественного, виртуализации и технизации социокультурного пространства [6, с. 45–46].

Эти приемы легли на благодатную почву, сложившуюся в результате деиндустриализации развитых стран, способствовавшей размыванию социальных классов и атомизации общества, что естественно отражается и в общественном сознании. В качестве живого примера такого расщепления сознания приведем взгляд Ж. Бодрийера на экономическую жизнь общества. Он утверждает, что сегодня мы наблюдаем «триумф экономики, освобожденной от экономических законов и предоставленной чистой спекуляции,

виртуальной экономики, свободной от экономики реальной (конечно же, не в реальном, а в виртуальном смысле, но ведь сегодня правит бал не реальность, а виртуальность); это – триумф вирусной экономики, сходной с другими вирусными процессами. Экономика становится ареной современной жизни именно в качестве арены спецэффектов, непредсказуемых результатов иррациональной игры» [7, с. 9].

А в таком обществе, как справедливо утверждает Б.В. Дроздов, общественное сознание глубоко поражено системной болезнью, не позволяющей объективно оценивать реальную ситуацию в мире. Эта системная болезнь – шизофренизация общественного сознания. Сознание расщепляется на отдельные плохо согласуемые между собой сферы, вся происходящая вовне сознания жизнь искаженно преломляется этим сознанием, происходит полная потеря понимания реальной ситуации при общем заблуждении о том, что как будто «перевернутая» сознанием картина мира соответствует действительности [8]. Расщепление общественного сознания стало результатом расщепления бытия общества и человека.

В этих условиях необходимо обратить внимание на изменения в содержании политического сознания. Как пишут А. Механик и М. Рогожников, в современном расколоте и атомизированном деиндустриализацией обществе «нет основ ни для какой идеологии, которая заведомо черпает свои основания в определенных социальных классах, кроме идеологии социального бонапартизма и идеологии заимствованного либерализма. Бонапартизма, который естествен для аморфного общества, лишённого собственных, внутренних скреп помимо некоторых не слишком ярко выраженных традиционных ценностей и поиска государственного покровительства. И либерализма, который заимствуется... крупными предпринимателями и обслуживающей их частью бюрократии» [9]. Бонапартизм проявился в том, что «на смену большим идеологическим проектам с далеко идущими целями, которые ставили перед собой политические партии от лица представляемых ими классов, пришли сиюминутные интересы мелких страт, объединить которые под крылом одной партии удастся только благодаря харизме лидеров. На смену борьбе принципов пришла борьба имиджей. Характерна в этом смысле эволюция левых партий, самых последовательных проводников самого большого проекта современности – социализма в разных его ипостасях. Например, Коммунистическая партия Италии, после нескольких преобразований превратившись в Де-

мократическую партию, стала самой последовательной защитницей не столько трудящихся, сколько финансовых рынков... обмельчали и либеральные партии, некогда обещавшие построение свободного общества равных возможностей, которое они тоже теперь представляют скорее как рынок возможностей» [9]. При этом либерализм сегодня существует преимущественно в форме неолиберализма, который более сконцентрирован на свободе экономики, чем на народной свободе – демократии – и во многом привел на Западе к тем же последствиям, что и в России: к распаду традиционных социальных классов, выхолащиванию демократических институтов, идеологической дезориентации политических партий. (Неслучайно в Чили неолиберализм стал идеологической основой пиночетовской диктатуры.) [9] Почти никто из политиков и почти никто из ученых не смог (или не хотел) признавать негативных моментов, появившихся и ставших отчетливыми в жизни современного общества.

И только современный финансово-экономический кризис, внезапно начавшийся в США как цитадели и выставочной витрины современной рыночной экономики, моментально распространившийся по всему земному шару, заставил сторонников безграничной свободы рынка более трезво взглянуть на соответствие экономической теории реальной общественно-экономической практике. «Система мирового капитализма, которой мы обязаны необыкновенным процветанием нашей страны в последнее десятилетие, трещит по швам. Сегодняшний спад на фондовых рынках США является всего лишь симптомом, к тому же запоздалым, говорящим о более глубоких проблемах, поражающих мировую экономику», – заявляет Дж. Сорос [10]. Действительно, кризис говорит о серьезнейших принципиальных дефектах системы свободной рыночной экономики.

Приходит постепенное осознание того, что один из фундаментальных дефектов совершенно свободного рынка – имманентное стремление собственников к получению максимальной прибыли при минимуме издержек. Это стремление к максимизации прибыли раньше или позже неизбежно приводит к перетеканию капиталов из реального сектора экономики в спекулятивно-финансовый по сути, и, с появлением электронных денег и электронных бирж, виртуальный по форме существования, что также неизбежно, закономерно приводит к кризису реального производства. Современная экономика – это прежде всего движение денег, финансы. Академик Д. Львов сжато определяет ее суть: «Что из себя

представляет современная мировая финансовая система? Это своеобразная перевернутая пирамида. Узкое ее основание – финансы, обслуживающие реальный сектор или поток товарных благ. На их долю сейчас приходится не более 10–12% от общего оборота мировых финансовых ресурсов. Весь остальной денежный капитал находится в свободном плавании, не имеет реального материального наполнения. Это рынок, где деньги делают деньги, то есть рынок игроков в рулетку» [11, с. 14]. Значительная часть экономики становится паразитической, не способствующей социально-экономическому развитию общества.

Даже ООН вынуждена признать, что «в целом, нынешний кризис продемонстрировал недостатки политики национальных властей некоторых стран и международных учреждений, основанной на ранее популярных экономических доктринах, согласно которым свободные рынки самостоятельно и оперативно саморегулируются и становятся эффективными. Концепция глобализации была также разработана исходя из этих ошибочных предположений; и хотя она принесла выгоды многим из ее участников, глобализация также создала возможности для быстрого распространения по всему миру дефектов экономической системы одной страны, что приводит к экономическому спаду и росту нищеты даже в тех развивающихся странах, в которых существует надлежащая нормативно-правовая база, созданы эффективно функционирующие валютно-финансовые учреждения и успешно проводится рациональная бюджетно-финансовая политика» [12].

Другой принципиальный дефект и теории, и, особенно, практики – проникновение экономических отношений во все другие сферы общества, что превращает все человеческие отношения и стремления в отношения холодного расчета и по существу уничтожает в них все подлинно человеческое. «Одним из крупнейших недостатков системы мирового капитализма является тот факт, что она позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места» [10]. В их числе здравоохранение, образование, наука и культура и даже основа общества – семья. Так, например, сегодня, судя по многочисленным сообщениям СМИ, широкое распространение получили ненужные хирургические операции – бич платной медицины. Все дорогостоящие виды медобслуживания зачастую назначаются только ради выгоды, чтобы выбить максимум денег из

пациентов [13]. По данным одной из комиссий Конгресса США, полученным в результате специальной проверки, свыше трети проделанных в этой стране пациентам исследований, операций и манипуляций (оплаченных, как правило, через систему медицинского страхования) были излишними [14].

В большинстве стран неуклонно увеличивается плата за образование, что снижает возможности наименее обеспеченных молодых людей получения специальности, позволяющей обеспечить достойную жизнь, оставляя их навсегда на социальном дне.

Проникновение рыночных отношений в социальный институт науки привело к серьезной деформации целей и инструментов научного исследования. Как справедливо утверждает В.Г. Горохов, наука все больше используется для достижения узкокорпоративных интересов отдельных социальных групп, которые могут сознательно подтасовывать [*и часто делают это.* – Прим. авт.] результаты исследований, как это уже наблюдалось в области биотехнологических и фармацевтических исследований. Коммерциализация академического исследования ведет к тому, что нарушается главный принцип научной этики – общедоступность научных знаний и основного закона существования научного сообщества – свободы научного исследования [15, с. 3–14].

Нельзя не отметить еще один фактор, негативно влияющий на развитие научных исследований. Это так называемая интеллектуальная собственность. Сегодня всё очевиднее становится тот факт, что в тех сферах, где всё активно патентуется, плохо развиваются технологии. Например, в фармакологии сорок лет не было ничего нового, только улучшение уже известных препаратов [16]. Кроме того, Д. Бергман обращает внимание на то, что все чаще приходится сталкиваться с намеренным искажением результатов научных исследований. Это следствие политики «публикуйся или увольняйся» в научных учреждениях. Современная система организации научных исследований основана именно на такой политике и поэтому способствует распространению фальсификаций. На кону оказываются служебные карьеры – должности, гранты, выгодные трудовые договоры и в буквальном смысле слова благосостояние ученых. Гранты и контракты ученому быстро заканчиваются, если за ними не следует немедленный и непрекращающийся успех. Стимул публиковаться, создавать себе имя в науке, получать престижные премии

и приглашения участвовать в руководстве учебными заведениями – все это создает соблазн для мошенничества [17].

Налицо ситуация, когда, подчеркивая необходимость получения от науки технологических применений, забывают, что эти приложения воплощаются в определенных социальных структурах, так или иначе изменяя общество в целом и часто давая совершенно неожиданные негативные социальные результаты. Так, например, случилось с массовым производством электронных игр (так называемых стрелялок), которые у некоторой, но неуклонно увеличивающейся части людей сформировали навык без раздумий открывать стрельбу по живым людям. Как считает В. Федотова, сегодня уже очевидно, что отсутствие анализа архетипического фактора, исторического кода народа в социальных и даже технических проектах и программах может иметь следствием неуспешность этих программ [18, с. 12]. И это еще мягко сказано – в действительности все чаще и чаще результатом научно-технических инноваций становятся факты полной дегуманизации общества уже на уровне и отдельного человека, и семьи.

Как пишет Ф. Фукуяма: «Но семья не бывает действенной, если построена на либеральных принципах – то есть когда члены семьи относятся к ней как к акционерному обществу, созданному ради их пользы, а не как к семье, основанной на долге и любви. Воспитание детей или сохранение брака на всю жизнь требует личных жертв, которые выглядят иррациональными с точки зрения расчета затрат и выгод, поскольку истинные плоды прочной семейной жизни зачастую пожинаяются не теми, кто берет на себя самые трудные обязанности, а только последующими поколениями. Многие проблемы современной американской [сразу отметим, что не только американской. – Прим. авт.] семьи – высокий процент разводов, отсутствие родительского авторитета, отчужденность детей и так далее – возникают именно из того факта, что отношение семьи к своим членам строится на строго либеральной почве. То есть, когда семейные обязанности выходят за те рамки, на которые подписывался участник контракта, он пытается условия этого контракта отменить» [1]. Человек, не способный жить в семье, не способен строить гармоничные отношения во всех других социальных группах, что ведет к росту конфликтности в обществе в целом.

Таким образом, все более явно осознаются принципиальные недостатки устоев, на основе которых функционирует современная рыночная

экономика. И естественно поднимается вопрос о том, каковы же причины, по которым образ современного рыночного общества в общественном сознании так долго виделся настолько привлекательным и лишенным существенных противоречий и проблем?

Все яснее становятся главные причины созданного в общественном сознании образа процветания экономики США и некоторых других стран. Как указывает Дж. Стиглиц, крупные «корпорации давно уже научились пользоваться хитроумными финансовыми технологиями переброски доходов для сокращения своих обязательств по налоговым платежам, а потом стали применять эти технологии с той же энергией и упорством в целях приукрашивания своих потоков наличности и отчетных балансов, чтобы вздуть курсы акций. Через схему фондовых опционов это обогащало высший менеджмент. С замедлением темпов роста потребность в предоставлении искаженной информации стала еще более настоятельной... Банки, тесно взаимодействуя с корпорациями и их аудиторами, способствовали расширению этой деятельности» [19]. Иначе говоря, образ процветания во многом строился на жульничестве и обмане, на сознательном введении общества в заблуждение относительно истинных причин внешнего благополучия.

Приходит осознание того факта, что важнейшим условием и фактором экономического процветания некоторых западных стран стал несправедливый международный обмен, организованный еще с начала XVI века, «когда, – как утверждает Л. Комисар, – Европа захватила всё, что смогла, в Латинской Америке, Африке, Азии, а именно земли и все остальные ресурсы. Постоянный контроль развитого Севера над ресурсами, мировой торговлей и правилами кредитования не дает развивающимся странам выкарабкаться из нищеты... А как только вы забираете землю, людям приходится работать за еду, чтобы выжить. Заберите ресурсы – и вы создадите рабство и нищету... Как страны [вроде] Бельгии, маленькие страны, у которых не было собственных ресурсов, воздвигали империи? Они разрушали существующие в стране промыслы, даже если их продукт был лучшего качества, и из-за этого колониям приходилось покупать товары и оборудование у своих колониальных хозяев» [20]. Аналогично вели себя и голландцы. Так, например, «в XVIII в. текстиль, произведенный в Индии, был гораздо лучшего качества, чем британский. Англичане уничтожили текстильную промышленность Индии и на-

ложили запрет для торговцев внутри Британской империи на импорт тканей и других продуктов промышленности из колоний» [20].

Самое интересное в том, что система неэкви-валентного обмена продолжает действовать благодаря развитой банковско-финансовой системе, которая позволяет «цивилизованно» выкачивать ресурсы из развивающихся стран, обеспечивая тем самым более комфортные условия жизни населения развитых стран и их более благоприятный имидж в глазах других народов. В этом процессе участвует и активная внешняя политика развитых стран, нацеленная на заключение выгодных экономических соглашений с развивающимися странами, которая в большинстве случаев осуществляется посредством подкупа коррумпированных чиновников, организации недовольства населения или угрозы применения военной силы.

В результате, как констатирует К.С. Гаджиев, «современный капитализм в его западной, прежде всего в англосаксонской ипостаси достиг того предела, когда подвергаются существенной трансформации сама парадигма, инфраструктурные составляющие, суть системы. Кризис, в условиях которого гигантские, казалось бы, непотопляемые корпорации, оказавшись на грани банкротства, обратились к властям с просьбами рекапитализации, обернувшейся фактической национализацией, воочию показал несостоятельность мифов об универсальности и незаменимости буквалистски понимаемых “невидимой руке” и “саморегулирующемся рынке”, исповедуемых монетаристами или приверженцами “Вашингтонского консенсуса”» [21, с. 20]. Причем показал это не только в собственно экономике, но и в политике, социальной сфере, культуре в целом.

В этих условиях начинается поиск новых принципов и методов, которые позволили бы найти пути преодоления ярко проявившихся проблем современного общества. Симптоматично, что в этот процесс включились даже участники Давосского форума в январе 2012 года. В течение пяти дней 2,6 тыс. представителей властных структур, бизнес-элиты и общественных организаций со всего мира размышляли о том, как осуществить «Великое преобразование» и «создать новые модели». Именно такой девиз был выбран организаторами форума. Основная идея заключалась в поиске альтернатив капиталистической системе, которая, по убеждению основателя и исполнительного председателя ВЭФ Клауса Шваба, «изжила себя и абсолютно не вписывается в модель современного мира» [22].

Хотя даже сегодня имеются попытки (правда единичные) утверждать, что «то, что мы сейчас переживаем, – это провал не капитализма или свободных рынков как таковых, а именно нерегулируемых рынков – в частности, нерегулируемого финансового сектора и управления рисками» [23, с. 16]. Однако большинство исследователей считает, что общество претерпит существенные изменения, вектор которых пока не вполне ясен. Так, например, И. Валлерстайн считает: «Можно уверенно утверждать, что нынешняя система не выживет. Но нельзя предсказать, какой новый строй придет ей на смену. Выбор будет результатом бесконечного множества отдельных действий. Но рано или поздно установится новая система. Она будет не капиталистической, но может быть гораздо хуже (более поляризованной и иерархичной) или намного лучше (относительно демократичной и относительно эгалитарной). Выбор новой системы – предмет крупнейшего политического противоборства во всем мире нашего времени» [3, с. 94]. Добавим, что это также и предмет серьезнейшего и принципиальнейшего идейно-теоретического противоборства, происходящего сегодня в общественном сознании. Однако большинство исследователей высказывает некоторые конкретные соображения по данному вопросу.

В этом отношении интересной является точка зрения О. Виханского, который считает, что возникнет новый тип общества, который не будет комбинацией известных ранее двух типов – капитализма и социализма, а обретет свои отличительные черты. Возникнет гораздо более сложная и многогранная система регламентации экономического поведения даже не столько государством, сколько различными общественными институтами. По его мнению, очевидно, что в этой системе отомрут два важных основания адам-смитовской модели экономики: экономический человек, поведение которого определяется рациональным выбором, и невидимая рука рынка, направляющая поведение экономических субъектов и задающая динамику, пропорции и направление развития экономической системы. Наиболее характерные черты этой системы начинают складываться уже сейчас.

Во-первых, это гораздо более действенное и активное влияние различных общественных и государственных институтов на экономику – и через непосредственное подключение к экономической деятельности, и через различные механизмы регулирования и косвенного воздействия. В частности, в гораздо большей мере, чем ранее, общественные институты и государство

будут воздействовать на финансовую сферу экономики, по крайней мере до тех пор, пока она не станет в полной мере выполнять функции, оправдывающие необходимость ее существования. Во-вторых, изменится соотношение силы влияния на бизнес отдельных стейкхолдеров. В чистом капитализме основным, да, пожалуй, и единственным стейкхолдером, определявшим жизнь и деятельность бизнеса, был собственник, хозяин бизнеса. Позже, с расширением рабочего движения, возникновением профсоюзов добавилось еще и влияние наемных сотрудников. Сейчас же всё больше возрастает влияние на бизнес и, соответственно, на экономику в целом таких стейкхолдеров, как покупатели и деловые партнеры, а также местное сообщество, общественные организации, разного рода общественные движения и т.п. [24, с. 24].

Всё это меняет природу бизнеса, заставляет его в гораздо большей степени, чем раньше, ориентироваться на общественные нужды. Бизнес всё больше выходит за пределы собственно экономической сферы деятельности, а контуры экономической подсистемы общества становятся все более размытыми, переплетаются с другими сферами общества, в особенности с наукой, образованием, экологией. Это делает ориентацию на общественные потребности наряду с заботой о собственных интересах залогом успеха бизнеса. Кризис очень наглядно показал: каким бы сильным и независимым ни был бизнес, непременное условие его выживания – общественное признание [24, с. 24]. Представляется, что в будущем обществе указанная характеристика будет главной, доминантной. Исторический опыт наглядно показал, что без ориентации в первую очередь на общественные и только после этого на частные интересы и потребности любое современное общество обречено.

При этом, как отмечает В.С. Степин, переход к новому типу цивилизационного развития связан, прежде всего, с формированием «точек роста» новых ценностей, которые возникают в различных областях техногенной культуры, в том числе в религиозном и политико-правовом сознании. Например, в сфере религиозного сознания современными протестантскими теологами активно разрабатывается идея, согласно которой Бог еще не закончил процесса творения мира, Он творит его до сих пор, эволюция продолжается (Х. Ролстон, А. Пиккок). Получается, мир не просто создан Богом, который как бы со стороны на него смотрит и за ним наблюдает, Бог – соучастник этого процесса, и сумма зла, творимого людьми на Земле, тоже оказывает влияние

на этот процесс. Возникает представление о том, что человек ответствен за космическую эволюцию, влияет на нее добром или злом, которые сам творит. Эти идеи могут по-новому осветить принципы человеческой ответственности перед природой, перед собой и будущими поколениями [25, с. 34]. Формирование новой нравственности – важнейшее условие и принцип построения будущего общества, реализация которого является наиболее сложной задачей сегодняшнего дня.

В.С. Степин также обращает внимание еще на одно важное обстоятельство, без учета которого трудно будет построить новое общество. Дело в том, что в условиях быстрых перемен социальной жизни начинают обостряться и изъяны демократии. В современных условиях она ориентирует власть больше на тактические, чем на стратегические программы. Президент избирается на четыре, максимум на восемь лет (два срока), и он, естественно, думает о том, что сделает за этот короткий срок, какие реальные результаты может получить. Он тактически ориентирован, а нужна иная стратегия, потому что речь идет о планетарных переменных, меняющих состояние современного мира. Должна быть ответственность человека перед будущими поколениями, а не просто сиюминутная борьба за голоса избирателей [25, с. 34]. Тем более, что, как не без оснований сетует С. Лем, «общая тенденция, заметная буквально повсюду, в том числе в США, такова, что возрастающей сложности государственных, социальных, технических, наконец, глобальных проблем сопутствует явное снижение уровня компетентности правящих» [25, с. 34]. Масштабы нынешнего кризиса – наглядное подтверждение истинности данного утверждения.

Сегодня также имеются предложения по первоочередным мерам выхода из кризиса. В первую очередь отметим предложение Комиссии экспертов Председателя Генеральной Ассамблеи ООН в отношении проведения реформы международной валютно-финансовой системы от 29 апреля 2009 г. Комиссия установила, что «развитие финансовых учреждений, которые являются слишком крупными для того, чтобы допустить их банкротство, сыграло важную роль в распространении кризиса и превратило его урегулирование в сложную и дорогостоящую задачу как для налогоплательщиков, так и глобальной экономики» [26]. С учетом указанного обстоятельства эксперты утверждают, что «настоятельно необходимо не только обеспечить надлежащий надзор за деятельностью этих крупных учреждений, но и предпринять усилия по ограничению

их размеров и масштабов их взаимодействия с целью уменьшения вероятности возникновения системных рисков. ... В условиях, когда такое большое число компаний осуществляет трансграничные операции, довольно проблематично полагаться на действия национальных регулирующих органов. Действие (или бездействие) национальных органов может привести к возникновению мощных внешних факторов. Одним из вариантов возможного, хотя и неполного, решения этой проблемы является предложение об учреждении коллегии контролеров для осуществления надзора за системно значимыми глобальными финансовыми учреждениями. Такой подход мог бы обеспечить создание основы для учреждения глобального органа, деятельность которого носила бы более всеобъемлющий характер» [26]. К сожалению, реализация предложений экспертов идет крайне медленно – слишком велико противодействие сложившихся мощных международных финансовых структур. Но, главное, этот подход не предполагает коренного изменения сложившегося типа общества. Он важен как попытка сделать шаг в требуемом практикой направлении.

Подводя итог всему сказанному, можно констатировать, что старая парадигма общественного развития достаточно определенно обнаружила несостоятельность ее основополагающих принципов и идей. Налицо попытки формирования новых идей и взглядов. Самыми принципиальными из них являются идеи о новом содержании экономики, подчинении ее совместно с наукой, образованием, экологией задачам прогрессивного развития всего общества. Такое развитие требует опоры на нравственные, политические и иные ценности, совершенствование демократических институтов и механизма отбора политических лидеров.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек – [Электронный ресурс]. – http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt<http://lib.ru/>
2. Гэлбрейт Джон Кеннет. Экономические теории и цели общества [Электронный ресурс] // Глава IV. Потребление и концепция домашнего хозяйства. – http://orel.rsl.ru/nettext/economic/gelbrait/glb_004.htm
3. Валлерстайн И. : Провал неолиберальной глобализации // Социологические исследования. – 2009. – № 6.
4. Хестанов Р., Лейбин В. Страх рождает светлое будущее // Русский репортер. – 2009. – № 15 (94).

5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М. : Наука, 1983.
6. Петруня О.Э. Тупики софистики и пространства философии: новый этап борьбы за логос // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2007. – № 3.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М. : Добросвет, 2000.
8. Дроздов Б.В. Рыночные отношения – тупик для России и всего человечества [Электронный ресурс]. – http://deti.rema44.ru/about/persons/droz dov/papers/kr_rinok3.html
9. Механик А., Рогожников М. Россия в поисках нового пути [Электронный ресурс]. – <http://expert.ru/expert/2013/02/rossiya-v-poiskah-novogo-puti/>
10. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Предисловие [Электронный ресурс]. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/His-tory/Soros/_index.php
11. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализации: предисловие к русскому изданию. – М., 2001.
12. Шестьдесят третья сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Пункт 48 повестки дня. Последующая деятельность по итогам Международной конференции по финансированию развития 2002 года и осуществление ее решений и подготовка Конференции по обзору 2008 года. Рекомендации Комиссии экспертов Председателя Генеральной Ассамблеи в отношении проведения реформы международной валютно-финансовой системы от 29 апреля 2009 г. [Электронный ресурс]. – <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/316/84/PDF/N0931684.pdf?OpenElement>
13. Темная сторона Америки. [Электронный ресурс]. – <http://www.usinfo.ru/medicina.htm>
14. Исакова Л.Е., Зелькович Р.М. Экономика здравоохранения: основные понятия : учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. – <http://www.health.gov.ua/zpr.nsf/6d7bc4049b9d4b5ac12567ac00289a36/dbedcfd3266e6a23c12567ae0035f8cc?OpenDocument>
15. Горохов В.Г. Как возможны наука и научное образование в эпоху «академического капитализма» // Вопросы философии. – 2010. – № 12.
16. Карцев Дмитрий, Хуцишвили Кристина. На фронтах великой технологической [Электронный ресурс]. – http://expert.ru/russian_reporter/2012/36/na-frontah-velikoj-tehnologicheskoy/
17. Бергман Д. Почему в современной науке свирепствует эпидемия лжи [Электрон-

ный ресурс]. – http://www.ateismy.net/content/spravochnik/science/science_false.php

18. Федотова В.Г. Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. – 2010. – № 10.

19. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые [Электронный ресурс]. – <http://www.moral.ru/enron.htm>

20. Комисар Л. 500 лет всемирной капиталистической жадности и нищеты [Электронный ресурс]. – http://pervodika.ru/articles/top/index.php?COMM=Y&PAGEN_5=3

21. Гаджиев К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопросы философии. – 2010. – № 6.

22. Итоги Давосского форума: в тени кризиса Еврозоны [Электронный ресурс]. – <http://news.mail.ru/economics/7946698/?frommail=1>

23. Асемоглоу Д. Кризис 2008 года: структурные уроки для экономики // Экономический вестник Ростовского гос. университета. – 2009. – Т. 7. – № 2.

24. Виханский О. Номо economicus должен умереть // Эксперт. – 2009. – № 17–18.

25. Степин В.С. Философия в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2006. – № 4.

26. Рекомендации Комиссии экспертов Председателя Генеральной Ассамблеи в отношении проведения реформы международной валютно-финансовой системы от 29 апреля 2009 г. – <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/316/84/PDF/N0931684.pdf?OpenElement>